

Древние языки

УДК 151.81+81

Мосенкис Ю. Л., Сенишин Р. И., Переверзев Д. И.

ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Дана критика концепции выделения отдельных языковых макросемей, таких как ностратическая, сино-кавказская и другие. Обсуждаются проблемы классификации и связей палеоазиатских, а также сино-тибетских языков.

Ключевые слова: ностратические языки, сино-тибетские языки, афразийские языки, палеоазиатские языки, тибетские языки.

Необходимое теоретико-методологическое вступление

За два века существования сравнительно-исторического языкознания как отдельной отрасли лингвистики накопилось множество вопросов, остающихся неразрешенными или неудовлетворительно разрешенными, иными словами — в высшей степени дискуссионными.

К таким вопросам принадлежит генеалогическая классификация языков Восточной Азии — от северо-востока (Восточной Сибири, Чукотского полуострова) до юго-востока (Индокитая и Малаккского полуострова).

Для осуществления профессиональной дискуссии в указанной области необходимо наличие «критической массы» исследователей, специально занимающихся данными вопросами и достаточно владеющих теоретической базой идей и конкретным языковым материалом для того, чтобы выработать собственное мнение и аргументированно отстаивать его, столь же аргументированно оспаривая иные мнения.

Ситуация усложняется распространившимися во второй половине XX века гипотезами существования «языковых макросемей». К сожалению, эти гипотезы никогда не подвергались всестороннему критическому обсуждению — прежде всего по причине относительно небольшого количества специалистов по обсуждаемым вопросам. Так, например, «устоявшаяся» (пропагандируемая уже около четырех десятилетий) несостоятельная гипотеза родства языка древнего Элама (распространенного в Иране в IV–I тысячелетиях до н. э.) и дравидийских языков Южной Индии (предположительно — языков протоиндской цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро) не имеет под собой достаточных лингвистических оснований. С другой стороны, родство эламского языка с кавказскими (предположенное еще в конце XIX века) подтверждается огромным массивом лингвистических аргументов. Не меньшие трудности представляет исследование языков других регионов.

Любому исследователю, пытающемуся изучать какие-либо конкретные языки на предмет их происхождения и места в генеалогической классификации, прежде всего задают вопрос: а «ностратические» они или «неностратические», «сино-кавказские» или не «синокавказские»?

Современному «постороннему наблюдателю» — например, начинающему лингвисту или представителю соседней дисциплины, желающему оценить современное состояние лингвистики в сравнительно-исторической области — дело представляется следующим образом: В. М. Иллич-Свитыч «открыл» ностратическую макросемью языков, С. А. Старостин — «сино-кавказскую» и так далее. Теперь же основной акцент делается на сравнении языков самих макросемей и — о открытие! — они оказываются родственными.

На самом же деле все одновременно и проще, и сложнее. В опубликованных и хорошо известных тем, кто захочет с ними ознакомиться, работах А. Тромбетти (1866–1929) предложены **сравнительная грамматика и сравнительный словарь большинства языковых семей мира**, на фоне которых «макросемьи» выглядят как **незначительная и во многом надуманная** детализация материала, уже обработанного А. Тромбетти. Любой лингвист, желающий заниматься проблемой межсемейного родства языков и особенно общего происхождения языков мира, по правилам научной корректности обязан прежде всего ознакомиться с работами этого

поистине гениального ученого. Многие идеи, позднее разрабатывавшиеся другими учеными более детально, находят корни в его работах.

Яркий пример. Приняв существование «ностратической» и «сино-кавказской» языковых макросемей, мы вынуждены будем согласиться с совершенно абсурдным утверждением их сторонников о том, что, скажем, северокавказские языки (абхазо-адыгские и нахско-дагестанские) ближе по родству к китайско-тибетским, чем к южнокавказским (картвельским). Более того, сторонники «сино-кавказской» гипотезы даже прямо утверждали, что северокавказские языки вообще не родственны южнокавказским. Этот тезис выглядит абсурдно уже с первого взгляда, но дело не в этом: родство северокавказских и южнокавказских языков подтверждается огромным количеством общих корней, принадлежащих к «основному словарному фонду». С другой стороны, реконструированный «со всей математической строгостью» общесеверокавказский праязык отличается такими типологическими характеристиками (около 100 согласных и около 10 гласных), совокупность которых по структурным причинам невозможна в естественном языке (на что давно указывал Г. А. Климов), где наблюдается взаимное уравнивание языковых уровней (по Н. Я. Марру).

Пора заявить со все научной ответственностью: **языковые «макросемьи» — научная фикция, устаревшая еще до того, как она обосновалась в языкознании.** Не случайно, скажем, М. Сводеш писал об общем пространстве родственных языков на просторах Евразии и Северной Америки, не разделяя его на искусственные «макросемьи».

Из сказанного необходимо сделать надлежащие выводы.

С одной стороны, исследования языкового моногенеза (проблема которого весьма самостоятельна и не тождественна проблеме поиска отдельных свидетельств межсемейного родства) должны содержать научную новизну и отталкиваться от фундаментальных исследований А. Тромбетти, М. Сводеша и А. С. Мельничука с четкой демонстрацией того, что нового приносит буквально каждая работа по сравнению с названными уже существующими. Не стоит открывать уже открытую Америку.

Проблема языкового моногенеза является первостепенной не только в аспекте определения языка первых Хомо сапиенс, но и для решения конкретных проблем генеалогической классификации: моногенетическая лексика как распространённая в языках многих семей должна быть по возможности исключена из более частных сравнительно-исторических сопоставлений отдельных генеалогических единиц.

С другой стороны, при исследовании конкретных «загадочных» языков следует не искать им место в фантастических «макросемьях», лишь «пережевывающих» мелкие детали масштабных работ Тромбетти — Сводеша — Мельничука, а **работать с конкретным материалом, предлагать конкретные этимологии.** На этом настаивал, в частности, А. С. Мельничук, блестяще показавший, что «ностратическими» являются все языки мира, кроме койсанских, и искренне удивлявшийся тому, что, для примера, австронезийские (малайско-полинезийские) языки не включают в традиционный список «ностратических».

История вокруг «ностратики» развивалась так:

- 1) установление «ностратической» макросемьи в составе почему-то лишь шести языковых семей — индоевропейской, уральской, алтайской, афразийской, дравидийской, картвельской (но почему-то без включения не менее «ностратических» чукотско-камчатских, юкагирского, нивхского и других вплоть до австронезийских и даже кечуа),
- 2) выделение из «ностратической» макросемьи афразийской семьи на правах отдельной макросемьи,
- 3) установление «сино-кавказской» макросемьи в составе северокавказских, енисейских, китайско-тибетских и америндских на-дене языков,
- 4) сенсационное «открытие» родства трех макросемей — «ностратической», афразийской (срочно переименованной из семьи в макросемью, при значительном игнорировании загадочной природы древнеегипетского языка, содержащего ключ к тайне генезиса цивилизации на Ниле) и «сино-кавказской».

Эту историю можно образно представить такой фантастической моделью. Сначала некие литературоведы (руководствуясь анекдотическим открытием того, что в первой строке «Евгения Онегина» *Мой дядя самых честных правил* слово *правил* — это глагол) придут к сен-

сационному выводу о том, что есть, оказывается, не один Пушкин, а целых два — Пушкин-прозаик и Пушкин-поэт. Ученые разделятся на две группы, одна из которых досконально изучит стилистические признаки произведений первого, а другая — второго. А затем третьи сделают непревзойденный вывод о том, что, оказывается, стилистика Пушкина-прозаика и Пушкина-поэта выявляет родственные черты! Аналогии понятны, комментарии излишни.

Для читателей, не любящих проводить аналогии: разделение языков Евразии на такие «макросемьи», как ностратическая, афразийская и сино-кавказская, является надуманным, а границы между макросемьями не более отчетливы, чем границы между семьями одной макросемьи.

«Генетически изолированный» язык как лингвистический феномен

Проблема генеалогической классификации языков Восточной Азии неотделима от более теоретической проблемы сравнительно-исторического языкознания — проблемы существования, установления более или менее отдаленных генетических связей и генеалогической идентификации «изолированных языков». К последним традиционно причисляют пиктский в Британии (сохранились отдельные надписи и некоторые глоссы), баскский, этрусский (этрусский), шумерский, кусунда в Гималаях (ныне уже вымерший или почти вымерший), а из восточноазиатских (или палеоазиатских — см. ниже) — юкагирский, нивхский и айнский (айну).

На наш взгляд, основная проблема установления родственных связей перечисленных языков состоит прежде всего в том, что каждый исследователь, обращающийся к изучению того или иного «генетически изолированного» языка, пытается непременно связать его лишь с каким-нибудь одним языковым объединением. Но такое отождествление практически во всех случаях оказывается невозможным или почти невозможным.

Суть «изолированности» языка состоит в том, что он обнаруживает в своем материале одновременно несколько родственных генеалогических объединений, является, так сказать, гетерогенным, состоящим из нескольких разнородных компонентов. Нет никаких оснований рассматривать идею гетерогенности языка как в корне противоречащую основам сравнительно-исторического языкознания. Эта идея неоднократно прикладывалась даже к таким детально исследованным языкам, как индоевропейские. Например, о «двуприродности» армянского языка много писали Н. Я. Марр, Г. Ачарян, Г. Капанцян. Заслуживает пристального внимания идея К. К. Уленбека, Н. С. Трубецкого, Б. В. Горнунга и др. о гетерогенности самого индоевропейского праязыка, сочетающего элементы алтайского типа и кавказского типа. Вопрос не в интерпретации двуприродности (которая может быть различной в каждом конкретном случае, причем самый частый вариант — глубокое субстратное проникновение более древнего элемента в более новый), а в самом ее существовании. Яркий пример — хуррито-урартский язык, рано (ранее хетто-лувийских) отделившиеся от других индоевропейских. Кавказской лексики в них не более, чем в хетто-лувийских, однако последние считаются все же индоевропейскими, а первые — неиндоевропейскими «азиантическими», языками кавказского типа (не надо забывать, что и хетто-лувийские языки долгое время считались в основном своем компоненте неиндоевропейскими или по крайней мере не в такой степени индоевропейскими, как остальные — свидетельством тому «индо-хеттская модель» Стертеванта). Нет ничего удивительного и в «кавказоидной» грамматике хуррито-урартских языков с многочисленными доминативными элементами — ведь и сами индоевропейские языки, как общепризнанно, ранее имели доминативную типологию того же кавказского типа. Победа концепции И. М. Дьяконова о неиндоевропейской природе хуррито-урартских языков над концепцией Г. Б. Джаукяна об их природе, близкой к индоевропейской, объясняется отнюдь не лингвистическими причинами (аргументы Г. Б. Джаукяна по количеству и качеству многократно превосходят аргументы И. М. Дьяконова и С. А. Старостина), а ввелингвистическим влиянием И. М. Дьяконова и его усилиями в попытке монополизировать трактовку истории Армении, Мидии и, по возможности, некоторых других регионов распространения древних языков. Свободной дискуссии вокруг аргументов Г. Б. Джаукяна не происходило.

Столь широкий экскурс в материал, казалось бы, далеко отстоящий от языков Восточной Азии необходим для того, чтобы на одном примере рассмотреть подходы к другому.

Глубже других описанные проблемы понимали А. Тромбетти и Г. Шухардт, которые смотрели на баскский язык как двуприродный кавказско-хамитский, на эламский как на гетерогенный кавказско-дравидийский и т. п.

Стоит только посмотреть в таком же ключе на другие, в частности восточноазиатские, так называемые «генетически изолированные» языки, как небедленно станут ощутимыми качественные результаты. Самым ярким примером является нивхский язык, сочетающий элементы тюрко-монгольского и айнско-австронезийского происхождения (о нем см. ниже).

Совершенно справедливо лингвисты (в частности, Г. А. Климов, Ю. В. Зыцарь и др.) видят в каждом «генетически изолированном» языке остаток древнего языкового ареала, большего и по числу членов, и по территории своего распространения. Иными словами, эти языки могли ранее представлять собой соединительные звенья между языковыми семьями (например, баскский — между афразийскими и кавказскими).

Проблема палеоазиатских языков

Исследование языков северо-восточной Азии, осуществляемое с XVIII века, показало, что эти языки не могут быть объединены в одну близкородственную группу. Был выделен целый ряд языковых семей, некоторые из которых ныне (но не обязательно в прошлом) представлены только одним языком. Это такие генеалогические единицы, как:

эскимосско-алеутская;

чукотско-камчатская (в последнее время высказываются предположение о выделении ительменского языка в отдельную единицу, связанную с остальными чукотско-камчатскими языками не родством, а длительными контактами);

нивхская (ныне представленная одним нивхским языком);

юкагиро-чуванская (ныне представленная только юкагирским языком);

енисейская;

айнская.

Все перечисленные языки не включают ни в индоевропейскую, ни в уральскую (финно-угро-самодийскую), ни в алтайскую семьи и условно, географически именуют «палеоазиатскими», подчеркивая при этом, что приведенное название не соотносимо с генеалогической классификацией.

Рассмотрим названные языки несколько подробнее.

Юкагирский язык предоставляет очень ценный материал для изучения предыстории не только азиатского, но и европейского Севера. Согласно современным представлениям, в уральскоязычном регионе финно-угорскому языковому слою предшествовал самодийский, самодийскому — еще более архаический юкагирский. Древнейших уральскоязычных жителей Европы — саамов — по дофинноугорскому слою их языка пытаются соотнести отчасти с самодийцами, отчасти с юкагирами. Проблема представляется требующей дальнейших исследований, тем более, что очень вероятно присутствие в саамском языке и вообще доуральского субстрата, соотносимого с легендарными северными карликами сихиртя (что заставляет вспомнить о белых карликах — альвах — древнегерманской мифологии).

Чукотско-камчатские языки (пока без исключения ительменского) обнаруживают многочисленные параллели, во-первых, с тюркскими (шире — алтайскими), во-вторых, с корейским, и в третьих, с шумерским. Все эти параллели не должны рассматриваться как необъяснимые, так как они уже сейчас поддаются вполне удовлетворительной интерпретации.

Тюркские параллели чукотско-камчатских языков следует, очевидно, рассматривать как свидетельство того, что чукотско-камчатские языки — восточное звено того языкового полотна, которое представлено в Евразии алтайскими (тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, корейским и японским) языками. Особый интерес вызывают те чукотско-камчатские корни, которые представляют собой соединительное звено между алтайскими с одной стороны и американскими индейскими с другой. Они подтверждают теорию заселения Америки (во всяком случае движения основного компонента переселенцев) через северо-восток Сибири. Выявление в чукотско-камчатских языках основной лексики, находящей выразитель-

ные соответствия одновременно в алтайских и американских индейских языках, подтверждает не раз высказанные и в научной, и в популярной литературе мысли о родстве тюркских языков с отдельными индейскими языками, например майя или кечуа (последний — главный язык империи инков).

Параллели чукотско-камчатских языков с корейским подтверждают давно высказанное предположение о доалтайском палеоазиатском населении Корейского полуострова. В перспективе предстоит выяснить, не является ли часть этих параллелей общими с другими алтайскими языками — в последнем случае мы имеем дело с алтайским компонентом корейского, родственным другим алтайским языкам и отдаленно — чукотско-камчатским языкам. Иными словами, общую корейско-чукотскую лексику следует по возможности распределить на доалтайскую (которой предположительно может оказаться большая часть) и алтайскую.

Наконец, параллели чукотско-камчатских языков с шумерским следует рассматривать в связи с вышеупомянутыми алтайскими связями чукотско-камчатских языков, с одной стороны, и алтайским (находящим параллели не только в тюркских, но и в монгольских языках) компонентом шумерского языка, существовавшим наряду с другим его компонентом — кавказским. Вывод о том, какой из этих двух (возможны и другие) «ингредиентов» шумерского следует считать основным, делать пока преждевременно. Сугубо предположительно можно говорить о том, что кавказским является основной компонент, а алтайский — это один из дошумерских субстратов.

Нивхский язык среди рассматриваемых представляется одним из самых загадочных. Его не раз пытались сравнивать с языками американских индейцев, однако, насколько известно, сколь-нибудь системное, комплексное исследование не было опубликовано. Среди опубликованных версий наибольшего внимания заслуживают две — о связи нивхского с алтайскими (Е. А. Крейнович, В. З. Панфилов и др.) и о связи нивхского с айнским (М. Сводеш). Первую из названных гипотез нельзя отделить от свидетельств в пользу алтайско-чукотских связей. Очевидно, и нивхский, и чукотско-камчатские языки находились, так сказать, на периферии алтайского мира или отделились от общеалтайского праязыка раньше других. Нивхско-айнские связи, помимо языка, проявляются на многих уровнях материальной и духовной культуры. Обнаруживаются также выразительные нивхско-корейские параллели (которые следует рассматривать вместе с айнско-корейскими). Предварительный итог изучения внешних связей относительно нивхского языка можно подвести следующим образом: это язык, проявляющий одновременно связи и с алтайскими, и с айнским. Корейские параллели нивхского языка следует внимательно изучить на предмет того, какие из них соотносятся с нивхско-алтайскими, а какие — с нивхско-айнскими параллелями. Не исключено обнаружение и уникальных нивхско-корейских параллелей, не разделяемых ни айнским, ни алтайскими языками.

Сторонникам так называемой «ностратической» макросемьи, очевидно, будет интересно, что целый ряд слов нивхского языка из числа так называемой основной лексики очень близок к ностратическому словарю в варианте В. М. Иллич-Свитыча. Впрочем, это касается и других «палеоазиатских» языков, в частности, чукотско-камчатских.

Айнский язык в последнее время нередко не включают в число палеоазиатских, однако такое невключение или включение весьма условно, как условно и само постулирование палеоазиатского языкового объединения. Известен целый ряд гипотез о родственных связях айнского языка:

- 1) с индоевропейскими,
- 2) с японским,
- 3) с нивхским,
- 4) с языками американских индейцев и др.

Индоевропейские связи айнского языка немногочисленны и должны рассматриваться неотделимо от индоевропейских связей японского. Сюда же примыкает проблема европеоидности айнов, а также проблема европеоидного компонента древних корейцев и китайцев («динлинская проблема»). Отчасти этот компонент можно связывать с тохарами II тысячелетия до н. э., отчасти объяснять более древними связями.

Аино-японские параллели в основном объясняются длительным контактом (как айным субстратом японского языка, так и более поздними заимствованиями из японского в айнский). Некоторые исследователи ошибочно склонны чуть ли не все общие слова японского и айнского объяснять влиянием первого на второй, однако это явное преувеличение. Как известно, именно айны создали очень раннюю (существовавшую около десяти тысяч лет) культуру дзёмон с самой древней в мире керамикой, и даже некоторые важнейшие культовые термины пришли из айнского в японский, а не наоборот.

Многочисленные айно-нивхские параллели, установленные М. Сводешем, очень впечатляющи, но требуют дальнейшего пристального изучения (см. выше о нивхском).

На наш взгляд, более-менее утвердившийся в антропологии и этнографии вывод об австралоидности айнов (или их, наряду с австралийскими аборигенами, «протоморфности» — предполагаемом выделении в отдельную ветвь еще до окончательного оформления больших рас) наилучшим образом согласуется с предположением об австронезийском (малайско-полинезийском) компоненте айнского языка как основном. Айны и в меньшей степени нивхи представляются, таким образом, результатом очень раннего переселения протоавстронезийцев (или протополинезийцев — тогда время разделения праавстронезийского языка следует признать гораздо более древним) на далекий азиатский север.

Что же касается предполагаемых связей айнского языка с американскими индейскими, то в принципе исключать их нельзя, однако здесь, как и в случае гипотетических америндских связей нивхского, требуется специальная обобщающая работа.

Эскимосско-алеутские языки, на первый взгляд, могут оказаться наиболее архаическими среди ныне известных палеоазиатских — хотя бы ввиду их распространения на самой периферии Северной Евразии и Северной Америки. Не раз отмечалась и предполагалась максимальная близость именно носителей этих языков к приледниковым охотникам палеолита по разным культурным проявлениям.

Предварительное исследование эскимосско-алеутских языков показывает, что они представляют собой как будто своеобразный мостик между японским языком с одной стороны и финно-угорскими с другой. Однозначно интерпретировать этот факт пока трудно — прежде всего следует предполагать близость финно-угров к древнему арктическому населению, с одной стороны, и доайнский эскимосский субстрат, с другой стороны. Как известно, еще в XIX веке было высказано предположение об эскимосах как доайнском населении Японского архипелага, упомянутом, среди прочего, в айнских преданиях о предшествующих айнам на их территории карликах коропок-куру — волосатых «людях-пауках» (одетых в шкуры животных?). Очевидно, перспективным могло бы быть тщательное сравнение эскимосско-алеутских языков с архаическим языком островов Рюкю (окинавским), близким к японскому, и особенно с языком айну.

Енисейские языки (среди которых наиболее известен кетский) по своей структуре являются, как известно, близкими к китайско-тибетским. Предположения об их связях с последними, с одной стороны, и кавказскими, с другой стороны, высказывались давно, и поэтому «открытие» этих связей в рамках «сино-кавказской макросемьи» нельзя признать открытием, а лишь детализацией, разработкой ранее существовавших идей. Не исключено, что енисейские языки представляют собой очень результат очень раннего переселения части носителей северокавказских языков (об этом писал еще в начале XX в. Й. Карст). Многие подтверждения находят гипотеза о древнем распространении енисейских языков на значительно большую территорию, чем нынешний ареал, и, в частности, далеко на запад. Известны и прагерманские формы (в частности, названия «дома» и «половины»), общие с енисейскими языками. Енисейским может оказаться даже язык одного из компонентов докельтского населения Британии (по-енисейски читаются пиктские надписи, что вовсе не исключает предполагаемого наличия в предысторической Британии и других доиндоевропейских субстратов — в частности «хамитского» и финно-угорского).

Проблема внешних связей сино-тибетских языков

К сожалению, недостаточная описанность языков китайско-тибетской (сино-тибетской) семьи и недостаточная разработанность прасинотибетской языковой реконструкции усложняют работу с достоверным определением внешних связей названных языков. Яркий пример, подтверждающий сказанное: в справочнике «Языки и диалекты мира» (М., 1982) из приблизительно 700 китайско-тибетских языков представлены не около 20.

На современном этапе исследования можно предполагать, что китайско-тибетские языки обнаруживают связи не только с енисейскими и северокавказскими, но также и с тайскими и далее через них с австронезийскими (малайско-полинезийскими). Прародину последних следует предполагать в Южном Китае. Очевидно, именно полинезийцы отразились в китайской мифологии в виде людей-рыб времени потопа (ср. тех же австронезийцев в образе людей-рыб в шумерской мифологии, людей в рыбьей коже на Амуре). Лишь позднее австронезийцы стали заселять острова (так, на Тайване австронезийцы живут и сегодня, но раскопки показывают наличие на острове древних карликов, родственных, очевидно, филиппинским, малаккским и новогвинейским карликам).

Вполне логично сравнивать китайско-тибетские языки также с австроазиатскими. Например, часть лексики, считающейся заимствованной из китайского во вьетнамский, может оказаться также древнейшим общим фондом.

Имеется также ряд важнейших синотибетско-индоевропейских параллелей, среди которых, очевидно, преобладают следствия более или менее древних контактов, однако нельзя исключать и древнейшее родство.

Среди наиболее интересных сино-тибетских лексем, имеющих отчетливые индоевропейские соответствия, считаем необходимым продемонстрировать следующие:

- среднекит. *wik* «район»¹;
- среднекит. *liek* «считать»²;
- среднекит. *luk* «счастье»³;
- среднекит. *lak* «кислое молоко»⁴ (ср. также реконструкцию: *lak* «вид кислого напитка») < **rak*, ср. бирм. *a-rak* «пиво» и т. п.⁵ и очень распространенное обозначение водки);
- среднекит. *daik* «жилище»⁶;
- среднекит. *ngaw* «образ, идол»⁷ — индоевропейское обозначение духа умершего *nek*;
- среднекит. *ngauk* «гора»⁸;
- среднекит. *di*, сиам. *dhi* «земля»⁹;
- древнекит. *dhuk* < **lhok* «читать» с китайско-тибетскими параллелями¹⁰;
- кит. *phüt* < **phet* «демон засухи» — тибет. *bjad* «злой дух» с другими китайско-тибетскими соответствиями¹¹ — индоевропейское обозначение беса, древнеегип. божество *Бес*.

Сочетание массива приведенных слов преимущественно культурных терминов, с основной лексикой очевидно.

Некоторые выводы

Итак, для всестороннего изучения вопросов происхождения языков Восточной Азии и их места в генеалогической классификации языков мира следует в будущем решить множество частных проблем. Для некоторых из них решения, кажушиеся вероятными, были предложены выше. Нам представляется, что дальнейшее изучение языкового материала позволит обнару-

¹ Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. – М., 1989. – С. 79.

² Старостин С. А. Реконструкция... – С. 90.

³ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 90.

⁴ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 91.

⁵ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 199.

⁶ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 96.

⁷ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 123.

⁸ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 125.

⁹ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 130.

¹⁰ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 226.

¹¹ Старостин С. А. Реконструкция... – С. 144.

жить некоторые ранее не известные «континуумы» более или менее отдаленно родственных языков и языковых семей.

Литература¹²:

1. Арутюнов С. А. Проблемы классификации языков народов Восточной Азии в свете их этнической истории. — М., 1964.
2. Белецкий А. А. Задачи дальнейшего сравнительно-исторического изучения языков // Вопросы языкознания. — 1955. — № 2. — С. 3–27.
3. Белецкий А. А. Программа специального курса «Введение в сравнительно-историческое языкознание». — К.: Изд-во Киевского государственного университета. — 17 с.
4. Білецький А. О. Основні методи дослідження в сучасному мовознавстві // Методологічні питання мовознавства. — К.: Вид-во АН УРСР, 1966. — С. 12–23.
5. Білецький А. О. Про принципи етимологічних досліджень // Мовознавство. — 1952. — Т. X. — С. 151–153.
6. Білецький А. О. Сучасне порівняльно-історичне мовознавство // Мовознавство. — 1975. — № 3. — С. 3–12.
7. Богаевский Б. Л. Восток и Запад в их древнейших связях (По поводу новейших открытий в Индии) // Новый Восток. — 1925. — Кн. 12. — С. 214–229.
8. Богаевский Б. Л. Китай на заре истории (Проблемы доисторического Китая) // Новый Восток. — 1925. — № 1.
9. Богаевский Б. Л. Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // Известия Государственной академии истории материальной культуры. — Л., 1931. — Т. 6. — Вып. 8–9. — С. 1–99.
10. Бурковський І. З. Етимологія і лінгвогенеза (про значення етимологічних принципів О. С. Мельничука) // Мовознавство. — 2001. — № 6.
11. Василевич Г. М. Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — М.; Л., 1947.
12. Васильев В. П. Об отношении древнекитайского языка к среднеазиатским // ЖМНП. — 1872. — Сентябрь. — Ч. CLXIII. — Отд. 2.
13. Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. — М.: Восточная литература, 1998. — 319 с.
14. Васильев Л. С. Генезис древнекитайской бронзы и этнокультурные связи Инь. — М., 1964.
15. Васильев Л. С. Древний Китай. — М.: Восточная литература, 1995. — Т. 1. — 380 с.
16. Васильев Л. С. Некоторые проблемы генезиса мировой цивилизации в современных зарубежных исследованиях // Народы Азии и Африки. — 1966. — № 2.
17. Васильев Л. С. О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации // Народы Азии и Африки. — 1964. — № 2.
18. Васильев Л. С. Проблема генезиса китайской цивилизации: Формирование основ материальной культуры и этноса. — М.: Наука, 1976.
19. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли. — М., 1989.
20. Васильев Л. С. Проблемы генезиса человека и его культуры в дояньшаоском Китае // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. — М., 1977.
21. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция праязыка и протокультуры. — Тбилиси: Мецниереба, 1984. — Т. 1–2.
22. Генетические, ареальные и типологические связи языков Азии. — М.: Наука, 1983.
23. Георгиев В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. — М.: Изд-во иностранной лит., 1958. — 317 с.
24. Георгиевский С. М. О корневом составе китайского языка в связи с вопросом о происхождении китайцев. — СПб., 1888.
25. Герценберг Л. Г. Вопросы реконструкции индоевропейской просодики. — Л.: Наука, 1981. — 200 с.
26. Горелов В. И. Лексикология китайского языка. — М.: Просвещение, 1984. — 216 с.
27. Грумм-Гржимайло Г. Е. Белокурая раса в Северной Азии // Записки Российского географического общества по отделению этнографии. — СПб., 1909. — Т. XXXIV: Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина.
28. Грумм-Гржимайло Г. Е. Можно ли считать китайцев автохтонами бассейна среднего и нижнего течения Желтой реки? // Известия Географического общества. — 1933. — Т. LXV. — Вып. I.
29. Грумм-Гржимайло Г. Е. Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? — СПб., 1899.
30. Древнекитайская философия: Собрание текстов: В 2-х т. — М.: Мысль, 1973. — Т. 2. — 382 с.

¹² По причинам технического характера список литературы выборочный, включающий лишь основные работы.

31. Древний Восток: этнокультурные связи. — М., 1988.
32. Дьяконов И. М. Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции. — М.: Наука, 1984. — Ч. 2. — С. 3–20.
33. Евсюков В. В. Реконструкция духовной культуры на примере доисторического Китая // Народы Азии и Африки. — 1986. — № 6. — С. 54–66.
34. Евсюков В. В. Семантика орнамента расписной керамики культуры Яншао: Авт. канд. дис. — Новосибирск, 1984.
35. Еловков Д. И. Очерки по лексикологии языков Юго-Восточной Азии. — Л., 1977.
36. Иванов В. В. Генеалогическая классификация языков // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
37. Иванов В. В. Генеалогическая классификация языков и понятие языкового родства. — М.: Изд-во Московского университета, 1954. — 53 с.
38. Иванов В. В. К этимологии некоторых миграционных культурных терминов // Этимология. — 1980. — М.: Наука, 1982. — С. 157–166.
39. Кашина Т. И. Неолитические памятники Китая и проблема западных корней культуры Яншао // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975.
40. Кашина Т. И. Семантика геометрической орнаментации керамики культуры Яншао // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. — 1971. — № 6. — Вып. 2.
41. Климов Г. А. Вопросы методики сравнительно-генетических исследований. — Л., 1971. — 88 с.
42. Климов Г. А. Основы лингвистической компаративистики. — М.: Наука, 1990. — 168 с.
43. Корнилов Г. Евразийские лексические параллели. — М.: Наука, 1973. — 241 с.
44. Крюков М. В. У истоков древних культур Восточной Азии // Народы Азии и Африки. — 1964. — № 6.
45. Крюков М. В. и др. Древние китайцы: проблемы этногенеза. — М.: Наука, 1978.
46. Крюков М. В., Хуан Шуин. Древнекитайский язык. — М.: Наука, 1978. — 512 с.
47. Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культы коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. — М.: Наука, 1977. — С. 28–52.
48. Кучера С. Китайская археология. — М.: Наука, 1977.
49. Ларичев В. Е. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Авт. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1960.
50. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды Института этнографии. — М., 1958. — Т. 36.
51. Лисевич И. С. Моделирование мира в китайской мифологии и учение о пяти первоэлементах // Теоретические проблемы восточных литератур. — М., 1969.
52. Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. — М.: Наука, 1977. — 205 с.
53. Макаев Э. А. Проблемы и методы современного сравнительно-исторического индоевропейского языкознания // Вопросы языкознания. — 1965. — № 4. — С. 3–19.
54. Македон Н. Л., Петуцак В. Д. Стародавня Україна і східні острови: сліди давніх переселень? // Українське, кавказьке й загальне мовознавство, культурологія: Зб. наук. праць на честь 135-річчя від дня народження академіка М. Я. Марра. — К.: ІУКС, 2000. — С. 4–6.
55. Марр Н. Я. Египетский, шумерский, китайский и их палеонтологические встречи // Марр Н. Я. Избранные работы. — Л., 1933–1937. — Т. 4. — С. 112–114.
56. Марр Н. Я. Китайский язык и палеонтология речи // Марр Н. Я. Избранные работы. — Л., 1933–1937. — Т. 4. Уперше надруковано: Доклады АН СССР. — Л., 1926. — С. 93–96, 109–112, 129–132.
57. Марр Н. Я. Общий курс учения об языке // Марр Н. Я. Избранные работы. — Л., 1933–1937. — Т. 2.
58. Марр Н. Я. Яфетическая теория и семантика китайского языка // Марр Н. Я. Избранные работы. — Л., 1933–1937. — Т. 4. Уперше надруковано: Доклады АН СССР. — Л., 1926.
59. Маслов А. А. Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала. — М.: Алетейа, 2003. — 376 с. (Маслов 2003а).
60. Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. — М.: Алетейа, 2003. — 480 с.
61. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1954. — 100 с.
62. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира // Вопросы языкознания. — 1991. — № 2–3.
63. Мельничук А. С. Проблематика реконструкции в сравнительно-историческом языкознании // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. — Л.: Наука, 1989. — С. 21–35.
64. Мельничук О. С. Етимологія // Українська літературна енциклопедія. — К.: УРЕ, 1990. — Т. 2. — С. 169.

65. Мельничук О. С. Порівняльно-історичний метод у мовознавстві // Українська мова в школі. — 1951. — № 1. — С. 23–31.
66. Мельничук О. С., Коломієць В. Т. Глибинні етимологічні зв'язки в лексиці слов'янських мов // Слов'янське мовознавство: Доповіді / IX Міжнар. з'їзд славістів. — К., 1993.
67. Мосенкіс Ю. Л. Сравнение языков разных надсемей и проблема языкового моногенеза: С прилож. «О внутреннем родстве кавказских языков»: Авторский пер. с укр. — К.: АТ «ВИПОЛ», 1997. — 20 с.
68. Мосенкіс Ю. Л. Актуальні проблеми дослідження української та східних мов. — К.: Київський міжнародний університет, 2002. — 80 с.
69. Мосенкіс Ю. Л. Від трипільської України до Японських островів: стародавні мовні паралелі // Мова та історія. — К., 2004. — Вип. 71. — С. 88–95.
70. Мосенкіс Ю. Л. Деякі питання вивчення далеких генетичних зв'язків української мови. — К.: КДТУ-БА, 1996. — 78 с.
71. Мосенкіс Ю. Л. Деякі проблеми генеалогічної ідентифікації східних мов // IX сходознавчі читання А. Кримського: Тези доповідей міжнародної наукової конференції. М. Київ, 1–2 червня 2005 р. — К.: Інститут сходознавства ім. А. Кримського НАН України, 2005. — С. 17–18.
72. Мосенкіс Ю. Л. До проблеми генеалогічної класифікації мов в аспекті віддаленої спорідненості. — К.: Київський державний лінгвістичний університет, 1996. — 32 с.
73. Мосенкіс Ю. Л. Західні зв'язки давньокитайської цивілізації за мовними свідченнями // Мова та історія. — К., 2005. — Вип. 82. — С. 156–158.
74. Мосенкіс Ю. Л. Значення компаративних досліджень для українського мовознавства // Вісник Київського університету імені Тараса Шевченка: Літературознавство. Мовознавство. Фольклористика. — К.: Вид-во Київського університету ім. Т. Шевченка, 1994. — Вип. 2. — С. 130–134.
75. Мосенкіс Ю. Л. Знову про слов'янські назви коня і трипільсько-індоєвропейські мовні стосунки // Мова та культури Заходу й Кавказу: Зб. наук. праць. — К.: Дослідницький семінар «Мова та історія», 2000. — С. 20–28.
76. Мосенкіс Ю. Л. Надродинні мовні зв'язки у працях О. С. Мельничука: теорія, методика і практика етимологічних досліджень // Мовознавство. — 2001. — № 6. — С. 77–83.
77. Мосенкіс Ю. Л. Нез'ясовані питання генеалогічної класифікації мов // Мова та історія. — К., 1995. — Вип. 10. — С. 9–10.
78. Мосенкіс Ю. Л. Нова популярна книга про першопочатки Сходу (Рец. на кн.: Девід Рол. Генезис цивилизации. — М.: Эксмо, 2005. — 480 с.) // Мова та історія. — К., 2005. — Вип. 82. — С. 160–162.
79. Мосенкіс Ю. Л. Перспективи дослідження мовно-культурного простору Євразії (з приводу праць Імре Пачаї про стосунки слов'янських і східних мов) // Мова та історія. — К., 2003. — Вип. 63/64. — С. 64–65.
80. Мосенкіс Ю. Л. Порівняльно-історичне і зіставно-типологічне мовознавство у викладанні японської мови в Україні // Мова та історія. — К., 2005. — Вип. 84. — С. 115–117.
81. Мосенкіс Ю. Л. Порівняльно-історичний метод і питання про лексичні універсали // Мова та історія. — К., 1994. — Вип. 5. — С. 4–7.
82. Мосенкіс Ю. Л. Про місце української мови в генеалогічній класифікації мов // Мова та історія. — К., 1996. — Вип. 13. — С. 15–16.
83. Мосенкіс Ю. Л. Проблема генеалогічної класифікації мов (аспект міжродинної спорідненості) // Мова та історія. — К., 2005. — Вип. 84. — С. 138–151.
84. Мосенкіс Ю. Л. Проблеми дослідження генетично невизначених мов. — К.: КДЛУ, 1996.
85. Мосенкіс Ю. Л. Семантичні проблеми міжродинного порівняльно-історичного дослідження мов // Проблеми зіставної семантики: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції 28–30 вересня 1995 р. — К.: Київський державний лінгвістичний університет, 1995. — С. 40–41.
86. Мосенкіс Ю. Л. Теоретичні аспекти поглибленого діахронічного дослідження основної лексики: До проблеми гіпотетичного первісного мовного стану як найдавнішого етапу доісторії української мови. — К.: Видавниче підприємство «Перше вересня», 1997. — 208 с.
87. Мосенкіс Ю. Л., Поліщук Ю. А. Китайська мова і лінгвістична палеонтологія // Мова та історія. — К., 2003. — Вип. 66. — С. 32–37.
88. Мосенкіс Ю. Л., Синишин Р. І. Невирішені проблеми генеалогічної ідентифікації східних мов // XI Сходознавчі читання А. Кримського: Тези доповідей міжнародної наукової конференції. М. Київ, 7–8 червня 2007 р. — К.: Інститут сходознавства ім. А. Кримського, 2007. — С. 204–205.
89. Мосенкіс Ю. Л., Синишин Р. І., Переверзев Д. І. Проблеми генеалогічної класифікації мов світу у дослідженні О. М. Кондратова (з приводу книги: Кондратов А. М. Земля людей — земля языков. — 2-е изд. — СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2006. — 224 с.) // Мова та історія: Збірник наукових праць. — К., 2007. — Вип. 93: Сакральне слово і сакральне право. — С. 120–121.

90. Мосенкіс Ю. Л., Шийко Б. Л. Про деякі проблеми генеалогічної класифікації мов // Мова та історія. — К., 1998. — Вип. 35. — С. 15–17.
91. Народы Восточной Азии. — М.; Л., 1965.
92. Народы Юго-Восточной Азии. — М., 1966.
93. Поливанов Е. Д. Труды по восточному и общему языкознанию. — М.: Наука, 1991. — 623 с.
94. Полицук Ю. А., Мосенкіс Ю. Л. Деякі актуальні питання китаїстики та японістики (короткий огляд) // Мова та історія. — К., 2004. — Вип. 72. — С. 103–115.
95. Происхождение человека и древнее расселение человечества. — М.: Изд-во АН СССР, 1951.
96. Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н. Антропология и этнография о происхождении китайцев // Расы и народы. — М., 1973. — Вып. 3.
97. Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 1980. — 407 с.
98. Семчинський С. В. Вступ до порівняльно-історичного мовознавства (на матеріалі індоєвропейських мов). — К.: Вид.-полігр. центр «Київський університет», 2002.
99. Семчинський С. В. Загальне мовознавство. — 2-ге вид., переробл. і доп. — К.: ОКО, 1996. — 414 с.
100. Серкина А. А. Опыт дешифровки древнейшего китайского письма. — М.: Наука, 1973. — 131 с.
101. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Задачи и перспективы. — М.: Наука, 1982.
102. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Лексическая реконструкция. Реконструкция исчезнувших языков. — М.: Наука, 1991.
103. Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы. — М.: Наука, 1981.
104. Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. — М.: Наука, 1989. — 728 с.
105. Степанян Л. Г. Следы арийцев в Полинезии // Лрабер асаракакан гидутюннери = Вестник общественных наук. — Ереван, 1998. — № 3. — С. 139–146.
106. Стрелкова А. Ю. Трипілля та Яншао: символіка орнаментів кераміки // Культурологічні студії: Зб. наук. праць кафедри культурології та археології НаУКМА. — К., 1999. — С. 103–117.
107. Теоретические основы классификации языков мира: Проблемы родства. — М.: Наука, 1982.
108. Успенский Б. А. Структурная типология языков. — М., 1965. — 287 с.
109. Чебоксаров Н. Н. К вопросу о происхождении китайцев // Советская этнография. — 1947. — № 1. — С. 30–70.
110. Чебоксаров Н. Н. Основные направления расовой дифференциации в Восточной Азии // Труды Института этнографии. — 1947. — Т. 2.
111. Чебоксаров Н. Н. Основные этапы формирования антропологического состава населения Восточной Азии. — М., 1964.
112. Чебоксаров Н. Н. Северные китайцы и их соседи // Краткие сообщения Института этнографии. — 1949. — Вып. 5.
113. Шрадер О. Сравнительное языковедение и первобытная история: Пер. с нем. — СПб., 1886. — 482 с.
114. Языковые универсалии и лингвистическая типология. — М.: Наука, 1969.
115. Яхонтов С. Е. Глоттохронология и китайско-тибетская семья языков. — М.: Наука, 1964. — 11 с.
116. Jespersen, O. Language, its nature, development, and origin. — L., 1934. — 448 pp.
117. Milewski, T. Wstęp do językoznawstwa. Wyd. 4. — Warszawa, 1962. — 144 s.
118. Swadesh M. The origin and diversification of language. — London, 1972.
119. Trombetti A. Elementi di glottologia. — Bologna, 1923.

Статья поступила в редакцию 04.01.2008 г.

Об авторах:

МОСЕНКИС Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», исследователь проблем общего происхождения языков мира, древних письменностей и языков неизвестного происхождения (пиктского, этрусского, шумерского, айнского и др.), мифологического мышления.

E-mail: trypillia@narod.ru

Сайт: www.trypillia.narod.ru

СИНИШИН Роман Иванович — аспирант Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

ПЕРЕВЕРЗЕВ Дмитрий Игоревич — студент Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.